

иконописных изображений, из их былинных, т. е. светских заимствований. Из этих элементов народ создает свой идеал христианского богатыря (соответствующего западному рыцарству), святого воителя, который с мечом в руках поражает силы зла и безобразия».²⁸

Таким образом, комплекс, условно говоря, рыцарских идей «служения земле» у А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского имеет общий извод: это прежде всего идея космизации личности, ее связи с целым в противовес обособленности, самоизоляции, наполеонизму.

²⁸ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 76.

© А. С. Бодрова

К ИСТОРИИ ПОСМЕРТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ БАРАТЫНСКОГО*

I

12 августа 1844 года «Северная пчела» сообщила своим читателям прискорбную весть «о кончине известного поэта Русского (...) Евгения Абрамовича Баратынского, который умер недавно в Италии».¹ Скоропостижная смерть Баратынского была воспринята как несомненная утрата для литературы, однако сожаления некрологов² были обращены прежде всего к «певцу Эды и Пиров», а не к автору «Сумерек».³ Последний сборник поэта, хотя и был замечен критикой, значимым событием литературной жизни не стал, а стихи, напечатанные после выхода книги, удостоились еще меньшего внимания. Почти не оцененные современниками «после-сумеречные» тексты Баратынского оказались и за пределами основного интереса исследователей, которые, говоря о «позднем Баратынском», сосредоточивались по преимуществу на его поэтической книге. До сих пор плохо изученными остаются рукописные источники поздних стихотворений и история их появления в печати. Справедливо это и применительно к первым посмертным публикациям текстов Баратынского, появившимся в 36-м томе «Современника» за 1844 год.

Эта книжка журнала содержала три стихотворения Баратынского: «Когда дитя», «Молитва» и «Люблю я вас, богины пеня...». Вместе с «Пироскафом» и «Дядьке Итальянцу», напечатанными в 8-м номере «Современника»,⁴ этот «за-

* Приношу самую искреннюю благодарность Н. Н. Мазур и Н. Г. Охотину, прочитавшим рукопись статьи и поделившимися со мной полезными замечаниями.

¹ Северная пчела. 1844. 12 авг. № 183. С. 731 (отд. «Смесь»: подпись: В. Межевич).

² Помимо упомянутой статьи В. Межевича, следует назвать еще один анонимный некролог, также появившийся в «Северной пчеле» (1844. 14 авг. № 184. С. 733; отд. «Смесь»), а затем перепечатанный в «Санктпетербургских ведомостях» (1844. 17 авг. № 187. С. 843—844). Краткое известие о смерти Баратынского поместили и «Московские ведомости» (1844. 17 авг. № 99. С. 628), однако развернутого некролога, вопреки обещанию редакции, в газете так и не появилось.

³ Ср.: «Баратынский остался поэтом уважаемым, памятным по первым впечатлениям, остался певцом Эды и Пиров. (...) публика отвыкала от него более и более, и наконец последние стихотворения его, под названием *Сумерки*, прошли почти незамеченными...» (Северная пчела. 1844. 12 авг. № 183. С. 731; курсив оригинала); «В 1842 году издано было небольшое собрание стихотворений Баратынского под названием: *Сумерки*. Это был последний отблеск померцающего дарования» (Северная пчела. 1844. 14 авг. № 184. С. 733; Санктпетербургские ведомости. 1844. 17 авг. № 187. С. 844).

⁴ Современник. 1844. Т. 35. № 8. С. 215—216, 217—221 («Пироскаф» — подпись: Е. Баратынский. Средиземное море. 1844; «Дядьке Итальянцу» — подпись: Е. Баратынский. Неаполь. 1844). Цензурное разрешение на выход этого номера датировано 1 августа, дата выдачи номера

гробный» вклад Баратынского в журнал Пушкина-Плетнева оказался самым значительным за все время их сотрудничества и особенно весомым на фоне редких и скудных журнальных выступлений поэта в начале 1840-х годов.⁵

В последние годы жизни Баратынского участие в «Современнике» связывалось для него с надеждами на возвращение к поэзии и к активному участию в литературной жизни. О намерении снова «приняться за рифмы» поэт неоднократно сообщал в письмах к Плетневу,⁶ обещаясь «быть добрым слугою „Современника“», а отправляясь за границу в сентябре 1843 года, рассчитывал по возвращении из путешествия «приобрести способы для постоянного пребывания в Петербурге»⁷ и «непременно соединиться с Плетневым для работы по Современнику».⁸ Сотрудничество в плетневском журнале было тем важнее для Баратынского, что поддерживалось давней дружбой и старыми литературными связями, особенно им ценимыми после разрыва сначала с Киреевским, а затем и всей московской «коттерией». Плетнев оставался для Баратынского «одномыслящим» другом молодости, редким человеком своего круга, теплые отношения с которым поддерживались и за счет давнего приятельства последнего с Николаем Васильевичем Путятой и его женой Софьей Львовной (урожденной Энгельгардт, свояченицей поэта)⁹ — бывшими в последние годы, безусловно, самыми близкими Баратынскому людьми.

Эту доброжелательность в отношениях с Плетневым в полной мере переняла вдова поэта — Настасья Львовна Баратынская, о чем свидетельствуют ее письма к нему за довольно длительное время. Ее знакомство с издателем «Современника» состоялось еще в мае 1840 года, во время поездки в Петербург,¹⁰ но особую теплоту приобрело после смерти Баратынского, когда, в конце августа 1844 года, Настасья Львовна с детьми наконец прибыла в столицу.¹¹

из типографии — 19 июля, цензурный билет от 22 июля. Далее сведения о датах цензурного разрешения, цензурского билета и выдачи номера из типографии даются по контрольным экземплярам «Современника» из библиотеки Санкт-Петербургского цензурного комитета (Отдел редких книг и рукописей НБ СПбГУ; шифр: J II 94. Инв. 13239). Ср. также: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского* / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 411.

⁵ О сотрудничестве Баратынского в «Современнике» в плетневскую эпоху см.: *Проскурина В. Ю.* Литературная позиция журнала «Современник» (1838—1846). Дис... канд. филол. наук. М., 1985. С. 68—76.

⁶ Ср. письма Баратынского к Плетневу от конца февраля—начала марта 1839 года: «Думаю опять приняться (sic!) за перо и если все что скопилось у меня в уме и легло на сердце найдет себе исход и выражение, надеюсь быть добрым слугою современника» (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 1 об.; см. также: Е. А. Баратынский и П. А. Плетнев. (Несколько писем Баратынского) // *Русская старина*. 1904. Т. 118. № 6. Июнь. С. 520; *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*. С. 351) и от 10 августа 1842 года: «С нынешней осени у меня будет много досуга и если Бог даст я снова примусь за рифмы. У меня много готовых мыслей и форм...» (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 82. Л. 2; см. также: *Хетсо Г.* Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972. С. 636; *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*. С. 391). Здесь и далее в цитатах сохраняются особенности орфографии и пунктуации оригиналов.

⁷ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 82. Л. 1 об.; *Хетсо Г.* Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. С. 636; *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*. С. 391.

⁸ Ср. письма Плетнева к Я. К. Гроту от 15 сентября 1843 года (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 116) и к Н. М. Коншину от 3 октября 1844 года (О смерти Баратынского (Из переписки Н. М. Коншина с П. А. Плетневым) // *Русская старина*. 1909. Т. 137. № 1. Янв. С. 178—179).

⁹ Об интенсивности общения с Путятами свидетельствуют частые упоминания о них в письмах Плетнева к Гроту (см.: *Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым*. Т. 3. С. 825 (указатель)).

¹⁰ См. письмо Баратынского к Плетневу от 5 июня 1840 года (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 3; см. также: Е. А. Баратынский и П. А. Плетнев. С. 521; *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*. С. 369).

¹¹ 12 августа (по новому стилю) вдова поэта сообщала Н. В. и С. Л. Путятам, чтобы те не ждали их раньше конца августа («Ne nous attendez donc pas avant la fin d'Août» (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 88)); к первому сентября Баратынские точно уже были в Петербурге (см. записку Н. В. Путяты к Плетневу).

Сохранилась записка Н. В. Путяты, адресованная Плетневу и датированная 1 сентября 1844 года: «Милостивый Государь / Петр Александрович, / Настасья Львовна с большим нетерпением желает вас видеть. Она будет ожидать вас завтра и вы доставите всем нам большое удовольствие оставаясь у нас отобедать. / С совершенным почтением и преданностью имею честь быть, / Милостивый Государь, вашим покорнейшим слугою / Н. Путята».¹²

С искренним расположением Н. Л. Баратынская благодарила Плетнева за доставленную ей статью о покойном поэте:¹³ «Сердечно благодарю вас почтеннейший Петр Александрович за ваше полное дружбы попечение. Я начала переписывать вашу статью с тем чтобы успеть доставить ее Матушке прежде моего отъезда, теперь же могу послать несколько экземпляров и в Тамбов где некоторые прочтут ее с искренним участием. / Пошли вам Бог здоровья и всего лучшего. / Душевно преданная (sic!) вам / Настасья Баратынская».¹⁴

Плетнев, в свою очередь, как свидетельствуют его письма к Гроту, неоднократно навещал вдову поэта осенью 1844 года, порой оказываясь конфиденнтом Баратынской, которая «ему жаловалась на московских литераторов, как они огорчали ее мужа».¹⁵

Доверительные отношения вдовы поэта с редактором «Современника», память о давней дружбе Баратынского с Плетневым и общность их литературных позиций определили появление на страницах журнала посмертных публикаций стихотворений Баратынского в конце 1844 года.

II

В десятом номере «Современника» под заглавием «Когда дитя» увидело свет стихотворение, обращенное к Баратынской и написанное зимой 1843/44 года в Париже, — «Когда, дитя и страсти и сомненья...».¹⁶ Первоначально оно было опубликовано без указания имени автора, вместо подписи значилось «***», однако уже в следующем номере журнала была помещена редакторская заметка, озаглавленная «Для читателей „Современника“», в которой сообщалось: «Многим из читателей наших любопытно было узнать имя автора, которого стихи, начинающиеся словами „Когда дитя“ и помещенные на 109 стран. XXXVI т. Современника, так поразительно запечатлены глубоким и сильным талантом. Сколько для дополнения статьи нашей об *Е. А. Баратынском* (Т. XXXV. стран. 298—329), столько же и для удовлетворения любопытству читателей, мы за долг свой признаем объявить, что автор этих стихов тоже *Е. А. Баратынский*. Они были написаны им в Париже перед отъездом в Италию».¹⁷

Не вполне обычная история появления стихотворения в печати вовсе не отразилась в примечаниях к нему в изданиях лирики Баратынского, а сам факт ано-

¹² ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 552. Л. 1.

¹³ Статья Плетнева — «Евгений Абрамович Баратынский» — была напечатана в девятом номере «Современника» (1844. Т. 35. № 9. С. 298—329; цензурное разрешение — 1 сентября, свидетельство о выдаче из типографии — 30 августа, сведения о датах — Отдел редких книг и рукописей НБ СПбГУ; шифр: J II 94. Инв. 13240), а также отдельным оттиском (цензурное разрешение — 25 августа 1844 г.).

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 20; на Л. 21 об.: «Его Превосходительству Петру Александровичу Плетневу». Впервые опубликовано (с неточностями): *Barratt G. R. A. L. Baratsynskaja and P. A. Pletnëv: Correspondence // Scando-Slavica. T. XV. Munksgaard; Copenhagen, 1969. P. 44.*

¹⁵ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. С. 365 (письмо от 25 ноября 1844 г.).

¹⁶ Современник. 1844. Т. 36. № 10. С. 109 (редакторское заглавие: «Когда дитя»; подпись: ***). Цензурное разрешение — 1 октября, дата выдачи номера из типографии — 28 сентября, цензурный билет от 30 сентября (НБ СПбГУ; шифр: J II 94. Инв. 13243).

¹⁷ Там же. № 11. Цензурное разрешение — 1 ноября, дата выдачи номера из типографии — 26 октября, цензурный билет от 28 октября (НБ СПбГУ; шифр: J II 94. Инв. 13241).

нимной публикации лишь однажды стал предметом комментаторских пояснений. В справочном томе, сопровождающем недавнее факсимильное издание прижизненных сборников поэта, было высказано довольно уверенное предположение, что «очевидно, стихотворение было прислано издателю „Современника“ П. А. Плетневу самим Баратынским», который, вероятно, и просил «напечатать стихотворение без подписи».¹⁸

Подобное объяснение вызывает, однако, целый ряд вопросов. Прежде всего не ясно, когда Баратынский мог отправить этот текст Плетневу. Согласно многим эпистолярным и мемуарным источникам, стихотворение, обращенное к жене поэта, было написано зимой 1843/44 года, однако в переписке Баратынского этого времени о нем упоминаний нет, при том, что о печатной судьбе «Пироскафа» и «Дядьке Итальянцу», написанных позже обсуждаемого стихотворения, Баратынский проявлял настойчивую заботу. Но даже если предположить, что стихотворение все же было отправлено Плетневу, то почему оно появилось лишь в октябрьском номере? Едва ли верно, что редактор «Современника» не нашел места в журнале для понравившегося ему (как следует из цитированной заметки) текста, тем более, что, имея Плетнев стихотворение на руках прежде начала сентября 1844 года, у него была возможность его напечатать — в некрологе поэту, появившемся в девятом номере «Современника».

Сам автор, судя по всему, не знакомил с этим стихотворением даже близких родственников. Переписка Баратынских осени 1844 года свидетельствует, что «Когда, дитя и страсти и сомненья...» не было известно в семейном окружении: «Я бы хотела, любезная маменька, сделать вам приятное, и, руководясь этим намерением, я посылаю вам также три его последние пьесы, которые вам еще не известны: та, что озаглавлена „Пироскаф“, была сочинена на пароходе, когда мы плыли из Марселя в Неаполь, послание Боргезе — через несколько дней после нашего приезда в Италию, а небольшое стихотворение, обращенное ко мне, было написано в Париже...» — сообщала Настасья Львовна матери поэта А. Ф. Баратынской.¹⁹ Любопытно при этом, что Александра Федоровна, переписывая письмо невестки для посылки дочери, Варваре Абрамовне Рачинской, помещает в нем только текст «Когда, дитя и страсти и сомненья...», но не копирует две другие присланные «пьесы».²⁰

По всей видимости, именно с Настасьей Львовной следует связывать распространение этого текста в семейном кругу, равно как и историю его появления в печати. О последнем свидетельствует сделанная ее рукой копия стихотворения, сохранившаяся в архиве Плетнева,²¹ которая и послужила основой для журнального набора. Список был передан издателю «Современника», по всей видимости, во время одной из их личных встреч в сентябре 1844 года. Над текстом — почерком Плетнева более темными чернилами — вписано заглавие: «Когда дитя», а также сделана помета «напеч(а)ано». Под стихотворением, как и затем в журнале, вместо подписи поставлены звездочки — скорее всего, тоже Плетневым — когда тот готовил материалы журнальной книжки для передачи наборщикам.

Отсутствие фактических сведений не дает возможности определенно сказать, с какой целью и по чьей инициативе — Плетнева или Баратынской — стихотворе-

¹⁸ Баратынский Е. А. Авторская книга лирики: В 4 кн. М., 2003. Кн. 4. Справочный том. С. 358. Нельзя не отметить на первый взгляд незначительную, но все же существенную разницу между вовсе анонимной публикацией и публикацией под криптонимом.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 2. Оригинал по-французски: «Je voudrais ma chere Maman vous faire du bien; c'est dans cette intention que je vous envoie aussi ses trois dernières pièces que vous ne connaissez pas encore; celle qui a par titre Пироскаф а été écrite sur le bateau à vapeur qui nous a conduits de Marseille à Naples; l'épître а Borghèse peu de jours après notre arrivée en Italie et la petite pièce pour moi а été faite à Paris». Здесь и далее перевод мой. — А. Б.

²⁰ Письмо А. Ф. Баратынской к В. А. Рачинской // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 525. Л. 14—15.

²¹ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 24.

ние первоначально было напечатано под астронимом. Однако нельзя не отметить, что предполагаемая такой криптонимной публикацией возможность объявления авторства предоставляла случай вновь напомнить о покойном поэте, в комплиментарной форме назвав его имя — как это и было сделано в цитированной выше заметке Плетнева, напечатанной в следующем номере «Современника». «Память поэту», таким образом, усердно поддерживалась на страницах плетневского журнала в течение почти всей второй половины 1844 года.

III

В последнем номере «Современника» за тот же год увидели свет еще два неопубликованных стихотворения Баратынского — «Люблю я вас, богини пенья...» и «Молитва».²² Как свидетельствует письмо Настасьи Львовны, они были посланы Плетневу 12 ноября 1844 года: «Посылаю Вам почтеннейший Петр Александрович два Евгеньевых стихотворения для напечатания в Современнике. Я надеялась Вам их доставить сама, но мост еще кажется так не скоро будет наведен, что нечего и думать о возможности Вас скоро видеть. Будьте так добры чтобы известить нас как-ково Ваше и Олинькино здоровье. / С истинным почтением остаюсь преданная (sic!) вам Настасья Баратынская».²³

Копии стихотворений, которые были приложены к письму, сохранились в архиве издателя «Современника».²⁴ Тексты записаны на двух сторонах одного листа, оба снабжены подписью *Евгений Баратынской* и отметками Плетнева («Напеч(атано)»).

Послужившие источником журнальной публикации, списки из архива Плетнева позволяют внести уточнения в текстологическую историю одного из напечатанных в «Современнике» стихотворений — «Люблю я вас, богини пенья...».

При публикации в журнале вторая строфа читалась следующим образом:

Любовь Камен с враждой Фортуны
Одно. Молчу. Боюсь я
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили *вновь* перуны,
В которых спит судьба моя.

Между тем во всех других известных рукописях из семейного архива,²⁵ а также в публикации И. С. Тургенева 1854 года,²⁶ основанной на тексте одного из альбомов Настасьи Львовны,²⁷ строка 8 читается иначе: «Не пробудили *бы* перуны».

²² Современник. 1844. Т. 36. № 12. С. 368, 370. Цензурное разрешение — 1 декабря, дата выдачи номера из типографии — 25 ноября, цензурный билет от 27 ноября (НБ СПбГУ; шифр: J П 94. Инв. 13242).

²³ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 1. Впервые опубликовано, с некоторыми текстовыми неточностями и ошибками в комментарии Г. Р. Барраттом: *Barratt G. R. A. L. Baratynskaja and P. A. Pletnev: Correspondence*. P. 38—39.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 25—25 об.

²⁵ Там же. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 52; № 40. Л. 56 об.; № 41. Л. 1; № 42. Л. 41; РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 5 (копии рукой Н. Л. Баратынской); РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. Л. 6 (копии неустановленным почерком).

²⁶ Современник. 1854. Т. 47. № 10. С. 149 (отд. I; 1-я пагин.). Сведения о дате выхода журнала см.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева*. СПб., 1995. Т. 1: 1818—1834. С. 270.

²⁷ Источником публикации И. С. Тургенева, по всей видимости, послужил альбом Н. Л. Баратынской, ныне хранящийся в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 40). Подробнее об этом см.: *Бодрова А., Велижев М. И. С. Тургенев — издатель Баратынского, или Русские второстепенные поэты в 1854 году // Тыняновский сборник*. Вып. 13. XII—XIII—XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2009. С. 120—124.

Статус варианта «Современника» по-разному оценивался издателями и комментаторами Баратынского, далеко не всегда, впрочем, специально обосновывавшими свои текстологические решения. В изданиях, подготовленных сыновьями поэта, стихотворение печаталось в соответствии с большинством копий Н. Л. Баратынской («Не пробудили бы перуны»),²⁸ а чтению «Современника» нашлось место только в приложениях.²⁹ М. Л. Гофман, который, видимо, счел копию Н. Л. Баратынской из Мурановского архива (ныне список РГАЛИ) автографом, согласно с чтением этого источника, также предпочел вариант «Не пробудили бы перуны» в качестве основного и предполагал, что в тексте «Современника» могла быть допущена опечатка.³⁰ С подобным предположением Гофмана не согласились Н. О. Лернер³¹ и Ю. Н. Верховский, однако и последний в готовившемся под его редакцией издании, как следует из сохранившихся комментариев, не решился ввести вариант «Современника» в основной текст. Как пояснял свою позицию Верховский, «он не введен поэтом в окончательный текст, которым пользовались редакторы изданий 1869 и 1884 гг., дающие этот вариант в примечаниях, а автограф иной, кроме чернового, нам неизвестен».³² С тем же чтением строки 8 («Не пробудили бы перуны») стихотворение было напечатано в основном корпусе изданий, подготовленных К. В. Пигаревым³³ и Е. Н. Купреяновой.³⁴ Напротив, по «Современнику» публиковали «Люблю я вас, богини пеня...» редакторы первого советского собрания сочинений Баратынского,³⁵ а затем Л. Г. Фризман в «Литературных памятниках»³⁶ и составители последних изданий в старой и новой «Библиотеке поэта».³⁷

Обращение к копии из архива Плетнева окончательно опровергает предположение Гофмана об опечатке в журнальном тексте — разночтение в строке 8 восходит к списку Баратынской, в котором рассматриваемый стих сначала был записан так же, как в других рукописных источниках, но затем подвергся правке: «Не пробудили [бы] вновь перуны».³⁸ Однако выявление источника публикации не снимает проблемы авторизованности этого чтения, которая должна решаться, таким образом, в отношении присланного Плетневу списка. Можно ли утверждать, что исправление в копии Настасьи Львовны восходит к авторскому варианту? — ответ на этот вопрос не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд.

Вопреки указаниям Гофмана, автографа окончательной редакции не сохранилось — она известна только по копиям Баратынской, а установить, какими еще источниками, кроме исключительно плохо поддающегося чтению черновика, могла

²⁸ Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. М., 1869. С. 168—169 (далее: Изд. 1869); Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. 4-е изд. Казань, 1884 (далее: Изд. 1884).

²⁹ Изд. 1869. С. 216; Изд. 1884. С. 40 (Приложение).

³⁰ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч.: В 2 т. СПб., 1914. Т. I. С. 307 (далее: Изд. 1914—1915).

³¹ *Лернер Н. О.* Сочинения Баратынского. [Рец.] // Речь. 1915. 17 (30) авг. № 225 (3248). С. 3.

³² Гранки Полного собрания сочинений Е. А. Баратынского. (Подг. текста и комм. Ю. Н. Верховского. Статьи Ю. Н. Верховского и В. В. Гиппиуса.) (1935) С. 119 // Музей-усадьба Мураново. Научный архив. В 35/86 КП. (Далее: Верховский 1935).

³³ *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма / Подг. текста и прим. О. В. Муратовой и К. В. Пигарева. М., 1951. С. 309 (далее: Изд. 1951).

³⁴ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Н. Купреяновой. Л., 1957. С. 199 (Библиотека поэта. Большая сер.). Далее: Изд. 1957.

³⁵ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1936. Т. I. С. 244 (Библиотека поэта. Большая сер.). Далее: Изд. 1936.

³⁶ *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы / Изд. подг. Л. Г. Фризмана. М., 1982. С. 343 (сер. «Литературные памятники»). Далее: Изд. 1982.

³⁷ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений / Изд. подг. В. М. Сергеев. Л., 1989. С. 430 (Библиотека поэта. Большая сер.). Далее: Изд. 1989; *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статьи Е. В. Невзглядовой и Л. Г. Фризмана; сост., подг. текста и прим. Л. Г. Фризмана. СПб., 2000. С. 299 (сер. «Новая Библиотека поэта»). Далее: Изд. 2000.

³⁸ Другие поправки незначительны: в строке 1 «*Богини*» переправлено на «*богини*»; в строке 6 — «*Баюся я*» на «*боюся я*».

располагать вдова поэта, не представляется возможным. Черновой автограф стихотворения,³⁹ впервые полностью расшифрованный Верховским,⁴⁰ дает текст, довольно далекий от известной нам редакции, хотя применительно к рассматриваемому фрагменту чтение черновика практически совпадает с окончательным вариантом и могло бы поддержать выбор в пользу большинства списков, сделанных Баратынской, а не копии из плетневского архива. Ср.:

Я бросил мирную порфиру(?)
Боюсь явления — бога струн
Чтоб персты падшие на лиру
Не пробудили бы перун

...боюсь я —
Чтоб персты, падшие на струны
Не пробудили бы перуны

При этом черновик «Люблю я вас, богини пеня...», помещающийся среди многочисленных набросков стихотворения «〈На посев леса〉» («Опять весна, опять смеется луг...»), скорее всего, находился в распоряжении Настасьи Львовны осенью 1844 года. Как видно из писем Н. В. Путьаты к жене и ее письма к С. М. Баратынской-Дельвиг от 27 сентября 1844 года, около 20-го сентября 1844 года Баратынская вместе с Путьатой отправилась в Москву, с тем чтобы «привести в необходимый порядок дела, а также чтобы собрать все, что она сможет найти из рукописей Евгения, некоторые неоконченные стихотворения, оставшиеся в Муранове, и проч.».⁴¹ По всей видимости, найденные в Муранове и Москве бумаги поэта — не только «неоконченные стихотворения», но и переработанная в 1842 году поэма «Цыганка», а также письма — в скором времени после возвращения Настасьи Львовны в Петербург были скопированы в несколько ее альбомов.⁴² Судя по устойчивости корпуса текстов — как эпистолярных, так и собственно литературных — альбомные подборки реализовывали сознательную установку Баратынской — создать своего рода рукописное дополнение к изданным книгам мужа. Это хорошо видно на примере стихотворений, содержащихся в альбомах, куда были вписаны (за редкими исключениями) только те тексты, которые не вошли ни в издание 1835 года, ни в «Сумерки».

Едва ли можно сомневаться, что Баратынская придавала важное значение своим альбомным записям, долженствующим сохранить для потомков разрозненные стихотворения покойного поэта; тем существеннее при этом, что во всех ее копиях интересующее нас стихотворение читалось одинаково, с вариантом «Не пробудили бы перуны» в строке 8 — так, как первоначально было и в списке, посланном Плетневу. На этом фоне исправление в копии, посланной для публикации в «Современнике», выглядит скорее редакторской поправкой Настасьи Львовны, внесенной ею перед отсылкой Плетневу, поправкой, которая, скорее всего, была вы-

³⁹ ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 6 об.; фотография автографа помещена в: Изд. 1936. Т. II. С. 144—145 (вклейка).

⁴⁰ Попытку прочесть черновой автограф предпринял М. Л. Гофман в подготовительных материалах для Академического издания (см.: ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 73. Л. 186 об.—187); расшифровка Верховского (Верховский 1935. С. 119) сохранилась в гранках его комментариев к невышедшему изданию сочинений Баратынского. Впервые связное чтение черновика, совпадающее с расшифровкой Верховского, было предложено Е. Н. Купреяновой (Изд. 1936. Т. II. С. 142), а затем уточнено в позднейшем издании (Изд. 1957. С. 375).

⁴¹ Письмо С. Л. Путьаты к С. М. Баратынской-Дельвиг // ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 2. № 126. Л. 2. Оригинал по-французски: «(...) elle a voulu faire ce voyage pour quelques arrangements nécessaires et pour recueillir aussi tout ce qu'elle pourrait trouver de l'écriture d'Eugène, quelques vers inachevés laissés à Mouranovo etc.». См. также письмо Н. В. Путьаты к жене // РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 191. Л. 42—43 об.; частично опубл.: Пигарев К. В. Мураново. М., 1948. С. 36.

⁴² Об этом косвенно свидетельствует запись Н. Е. Баратынского на первом листе одного из альбомов: «Рисовано и писано матерью моей Анастасией Львовной Баратынской в 1844 и след. годах» (ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 1).

звана стремлением устранить неудачный повтор условной частицы «Чтоб персты (...) Не пробудили бы...». ⁴³

Подобное «редакторское» вмешательство вдовы Баратынского в его тексты, особенно изданные посмертно, известно и по другим примерам. Показательна в этом отношении история публикации стихотворения «(На посев леса)» («Опять весна, опять смеется луг...»). Как и в случае с «Люблю я вас, богини пенья...», законченный текст зафиксирован только в копиях Баратынской, в то время как черновой автограф, соседствующий с черновиками «Люблю я вас, богини пенья...», с трудом поддается прочтению. О сложностях, с которыми столкнулась Настасья Львовна, разбирая рукописи мужа, свидетельствует ее помета в одной из копий, относящаяся к финальным стихам: «(...) невозможно было разобрать по применились ко смыслу с теми словами которые были не так связно написаны». ⁴⁴ Однако именно это, очевидно неавторское чтение последней строфы, притом нарушающее метрическую структуру стихотворения: «Пусть верую, простясь я с лирою моей, // Что некогда ее заменят эти // Поэзии таинственных скорбей // Могучие и сумрачные дети», — увидело свет при первой его публикации на страницах сборника «Вчера и сегодня». ⁴⁵

IV

Другой, еще более выразительный пример участия Настасьи Львовны в истории стихотворного текста Баратынского представляет публикация второго из присланных Плетневу стихотворений — «Молитвы».

С этим текстом также связан целый ряд комментаторских проблем, наиболее обсуждаемая из которых — его датировка. Отсутствие автографа «Молитвы», известной также только в многочисленных копиях Баратынской, ⁴⁶ заставляло издателей и исследователей высказывать самые разные догадки. Сыновья поэта печатали «Молитву» среди стихотворений 1842—1843 годов, ⁴⁷ причем в «Материалах для биографии Е. А. Баратынского» пояснялось, что «после издания Сумерек, написаны им стихотворения: „С. Н. Карамзиной (при посылке Сумерок)“, „Память поэту“, „Мои перуны“, „Спасибо злобе хлопотливой“, „На посев леса“, „Молитва“». ⁴⁸ М. Л. Гофман, приводя датировку посмертных изданий, предположил, что «правильнее датировать ее 1844-м годом», ⁴⁹ и поместил стихотворение первым в рубрике «1844 г.». ⁵⁰ На необоснованность такой датировки справедливо указал в своих комментариях Верховский, который назвал иное время сочинения «Молитвы»: 1841 год — опираясь на пометы Н. Е. Баратынского на экземпляре издания

⁴³ Ср. суждение Н. О. Лернера о стилистических преимуществах варианта «Современника» и в то же время приводимые им аргументы в пользу рукописных источников: «В печатной редакции, появившейся с неизвестного оригинала после смерти автора, нет этого повторения условной частицы: „чтоб — бы“, и сказано лучше: „не пробудили вновь перуны“... Так как стихотворение в этой редакции было опубликовано не самим автором, то его, конечно, следует печатать с автографа» (Лернер Н. О. Сочинения Баратынского. С. 3; Лернер в данном случае не подверг сомнению указание Гофмана о существовании автографа «Люблю я вас, богини пенья...»).

⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 9.

⁴⁵ Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный Гр. В. А. Соллогубом. СПб., 1846. Кн. 2. С. 68—69 (под заглавием «Опять весна» — подпись: Е. Баратынский). Ср. также копии в альбомах Баратынской: ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 54—54 об.; № 40. Л. 56 об.; № 41. Л. 8 об.—9; № 42. Л. 47 об.—49.

⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir») Л. 52; № 40. Л. 56 об.; № 41. Л. 7; № 42. Л. 91; РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 5.

⁴⁷ Изд. 1869. С. 170; Изд. 1884. С. 276.

⁴⁸ Изд. 1884. С. 483—484.

⁴⁹ Изд. 1914—1915. Т. I. С. 307.

⁵⁰ Там же. С. 169.

1869 года, ныне не разысканном: «В экземпляре издания 1869 г., принадлежавшем сыну поэта Н. Е. Боратынскому, над этим стихотворением сделана помета. Сперва написано: 1840 г. и зачеркнуто; затем возле написано 1841 г. Мы принимаем эту датировку, считая ее источник достаточно авторитетным».⁵¹

В большинстве позднейших изданий «Молитва» публикуется, вслед за изданием 1869-го и изданием 1884 года, в ряду текстов, датируемых 1842—1843 годами.⁵² Исключение составляет лишь первое издание стихотворений Баратынского в «Библиотеке поэта»: И. Н. Медведева и Е. Н. Купреянова поместили этот текст последним, вслед за «Пироскафом» и «Дядьке Итальянцу», в разделе «Стихотворения 1842—1844 гг.», так что «Молитва» завершает собой основной стихотворный корпус.⁵³ Комментарии к стихотворению скупы и немногословны: «Никаких сведений об обстоятельствах и времени написания этого стихотворения не сохранилось».⁵⁴

Историю текста «Молитвы» позволяет прояснить одно из писем Баратынской осени 1844 года. Благодаря своего младшего деверя Сергея Баратынского за помощь в устройстве хозяйственных дел, Настасья Львовна отвечала ему 11 ноября 1844 года: «Не умею достаточно поблагодарить вас за ваше милое письмо, мой дорогой Серж. Я очень признательна за ваше беспокойство и заботы обо мне, высказанные столь горячо и сердечно. Мой зять, который был столь любезен, что согласился взять на себя решение всех наших дел, просит подробно расспросить вас обо всем, что необходимо в нынешнюю минуту, и я решаюсь положиться на вас, тем более ценя такое ваше предложение, что знаю, до какой степени подобные хлопоты вас утомляют. Я все еще пытаюсь найти художников, но ни одна копия до сей поры не удалась; похожий портрет необходим для изготовления бюста, а среди тех, что есть у нас, нет ни одного удовлетворительного.

Записываю для вас Евгеньеву молитву, которая никогда не была написана и которую я как-то вспомнила, когда шла к службе:

Царь Небес! успокой
Дух болезненный мой
Заблуждений земли
Мне забвенья пошли
И на строгой твой рай
Силы сердцу подай!

Позвольте попросить вас поцеловать за меня ручки Маменьке, засвидетельствовать мое почтение тетушке, передать мои дружеские приветы вашей жене и детям, Натали, Софи и Леону. Дети вам кланяются».⁵⁵

⁵¹ Верховский 1935. С. 116.

⁵² См.: Изд. 1951. С. 313; Изд. 1957. С. 197; Изд. 1982. С. 340; Изд. 1989. С. 217; Изд. 2000. С. 298.

⁵³ Изд. 1936. Т. I. С. 254.

⁵⁴ Там же. Т. II. С. 283.

⁵⁵ Датируется по штемпелю письма с адресом: «С.-Петербург. 9 ч. 11 ноя(бря) 1844; Его Высокоблагородию Милостивому Государю Сергею Абрамовичу Боратынскому. Тамбовской Губернии. г. Кирсанов». ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 105. Л. 1—2 об. Оригинал по-французски: «Je ne saurais assez vous remercier pour votre bonne lettre mon cher Serges, et j'accepte avec reconnaissance vos bonnes intentions à mon égard, exprimées d'une manière si affectueuse. Mon beau frere qui a eu la bonté de se charger de tous nos affaires se propose de vous in... (?) avec détail de tout ce qui est urgent pour le moment et je m'en remets à vos soins dont j'apprécie l'offre d'autant plus que je sais à quel point ce genre de soucis vous fatigue. Je suis toujours à la recherche des peintres et aucune copie n'a réussi jusqu'à présent; un portrait ressemblant est nécessaire pour le buste et aucun de ceux que nous avons n'est satisfaisant. Je vous transcris une prière d'Eugène qui n'a jamais été écrite et dont je me suis rappelée un jour que j'allais à la messe: — Царь Небес! успокой // Дух болезненный мой // Заблуждений земли // Мне забвенья пошли // И на строгой твой рай // Силы сердцу подай! — Chargez vous je vous prie de baiser pour moi, les mains de Maman, de mes respects

Как следует из слов вдовы поэта, «Молитва» едва ли мыслилась Баратынским как текст письменный⁵⁶ и тем более предназначенный к печати в ряду его собственно лирических пьес. В сущности, «Молитва» стала *стихотворением* Евгения Баратынского тогда, когда Настасья Львовна решила послать этот текст Плетневу — показательно в этом отношении и словоупотребление в ее письмах: если Сергею Абрамовичу она шлет «Евгеньеву *молитву*» (*une prière d'Eugène*), то редактору «Современника» — на следующий день — отправляет уже «два Евгеньевых *стихотворения*».

Не решая проблемы датировки в традиционном ее понимании, письма Настасьи Львовны Сергею Баратынскому и Плетневу точно фиксируют время возникновения письменного текста — начало (до 11) ноября 1844 года, а именно публикация в «Современнике» задает контекст читательского восприятия стихотворения.

Соседствуя на страницах одной книжки журнала, посмертные тексты Баратынского — «Когда, дитя и страсти и сомненья...», «Люблю я вас, богини пеня...» и «Молитва» — обретали, как кажется, и смысловую общность. При всей своей жанровой и тематической разности эти стихотворения, напечатанные вместе, могли быть прочитаны как единое поэтическое высказывание, во многом полемичное по отношению к лирическим декларациям Баратынского в «Сумерках». В противоположность высказанной в финальном тексте сборника мысли об абсолютной ценности поэтического творчества, служащего единственным ободрением «питомцу муз» («Своею ласкою поэта // Ты, рифма! радуешь одна»), в этих стихотворениях акцентируется иной взгляд на самоощущение поэта, который реализуется в по-разному инструментованном мотиве отрицания поэзии как высшего душевного утешения. «Сладкой трепет вдохновенья» не дает покоя «болящему духу», он лишь «предтеча жизненных невзгод», страшящих поэта, которому суждены только «страсти и сомненья», «таинство печали», «дикий ад» и «вражда Фортуны». Спасение же — не в поэзии, не в «звуках», а в отказе от них («Пусть день угаснет в тишине») и вере в благость неба и «Царя небес». Если прежде Баратынский утверждал, что «*болящий дух* врачует песнопенье», то в «Молитве», будто перифразируя свое поэтическое высказывание, он полагается лишь на Творца: «Царь небес успокой // *Дух болезненный мой!*».

Оказавшись в некотором смысле «загробным», последним словом Баратынского, появившиеся в «Современнике» стихотворения по-иному заставляли взглянуть на мировоззренческие позиции автора «Осени» и «Отрывка из поэмы: Вера и неверие». Показательно в этом отношении внимание к «Молитве» современников, причем тех, для кого особую важность имел религиозный опыт: ее переписывает в свой альбом Евдокия Растопчина — вместе со стихотворением «Когда, дитя и страсти и сомненья...»,⁵⁷ «Молитву» включает в небольшую подборку стихов Баратынского в «Библиотеке для воспитания» И. В. Киреевский.⁵⁸ Текст «Молитвы» пол-

pour ma tante; de mes amitiés pour votre femme, vos enfans, Natalie, Sophie et Léon. Les enfans se recommandent à vos bontés». Мой зять — Н. В. Пугята, женатый на младшей сестре Н. Л. Баратынской Софье Львовне; Маменька — А. Ф. Баратынская; тетушка — ее младшая сестра Е. Ф. Черепанова. Жена С. А. Баратынского — Софья Михайловна Салтыкова-Дельвиг; их дети — Александра, Михаил, София, Анастасия и дочь Дельвига, воспитывавшаяся в их семье, — Елизавета Антоновна. Натали и Софи — незамужние сестры Е. А. Баратынского, жившие с матерью в Маре. Леон — Лев Абрамович Баратынский, брат поэта, живший после выхода в отставку в семейном имении Осиновка, неподалеку от Мары. Краткую справку о них см.: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 414—421.

⁵⁶ В таком случае автограф мог просто никогда и не существовать.

⁵⁷ Альбом Растопчиной, озаглавленный «*Pensées, poésies, fragments, extraits de mes lectures. Livre 4-ème Pétersbourg 1843*» (РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. № 16. Л. 56 об.). Копия впервые отмечена в комментариях Верховского к несостоявшемуся собранию сочинений Баратынского, (Верховский 1935. С. 116).

⁵⁸ Библиотека для воспитания. 1845. С. 14. Цензурное разрешение — 16 апреля (на обороте титула опечатка: 1843). «Молитва» перепечатана наряду со стихотворениями «Прощай, от-

ностью цитирует А. О. Смирнова в письме Н. В. Гоголю от 4 декабря 1844 года, прибавляя: «Как хорошо: „на строгий Твой рай!“. Как все хорошо!». ⁵⁹

Публикация в плетневском журнале представляла Баратынского человеком, далеко не чуждым религиозных чувств и устремлений. В подобном намерении подчеркнуть эти черты, в противоположность репутации поэта-скептика, в стихах не раз выражавшего сомнения в оправданности Божества, несомненно, отразились воззрения вдовы Баратынского на личность ее покойного мужа. Показателен сам выбор текстов для публикации, при том, что в распоряжении Баратынской, как свидетельствуют ее альбомы, было куда больше ненапечатанных стихотворений Баратынского. Света тогда не увидели ни «(На посев леса)», ни горацянски декларативное стихотворение «Спасибо злобе хлопотливой...», ни едкая эпиграмма «На все свой ход, на все свои законы...» — по-видимому, из-за нежелания Настасьи Львовны открыто подчеркивать настойчивость мотива борьбы с литературными недругами. С другой стороны, отвергнуты были мадригальные стихи «Н. Е. Б.....» («Двойною прелестью опасна...»), обращенные к казанской знакомой Баратынских Н. Е. Брандорф, и «Нежданное родство с тобой даруя...», посвященное свояченице поэта С. Л. Энгельгардт-Путята, равно как и «экспромт» «Небо Италии, небо Торквата...».

Подборка посмертных стихотворений Баратынского в «Современнике», демонстрировавшая смирение поэта перед небом и его «доверенность к Творцу», оказывалась поэтической репрезентацией тех идей, которые исключительно занимали Настасью Львовну после смерти мужа. В ее многочисленных письмах лета — осени 1844 года, адресованных родственникам и знакомым, равно как и в статье о Баратынском, написанной в ответ на некролог И. Г. Головина в «Journal des Débats», ⁶⁰ неоднократно подчеркивается важность религиозных чувств в жизни Баратынского, а после его смерти только вера в божественное воздаяние и соединение за гробом, по словам Настасьи Львовны, дает ей силы жить. Об этих чувствах она пишет матери поэта, едва вернувшись в Петербург, в самом начале сентября 1844 года: «Прошу вас простить меня, любезная маменька, что я не писала вам до сегодняшнего дня: на душе все так же тяжело, но мы уже вернулись, и я избавилась от тех страхов, которые преследовали меня во время путешествия, — страха отчаяния и боязни, что дети останутся совсем одни, если меня не станет. {...}

Однако позвольте мне ободрить вас на мой счет. Я стала куда более спокойна, спокойнее, чем могла себе представить когда-либо прежде. Сомнения в загробной жизни навсегда покинули меня, ничтожность жизни земной, ее скоротечность, убежденность в счастливом соединении там — не позволяют мне отчаиваться; и я бы хотела, чтобы другие ощутили в своей душе то, что происходит в моей: я не боюсь более смерти для тех, кого люблю. Все, что есть несчастье здесь, кажется мне столь кратковременным, столь преходящим, и я, наконец, действительно осознала, будто бы откровением свыше, все, что мне прежде казалось банальностью и общими словами о ничтожности земной жизни. Но память и имя, завещанное Евгением, не оставляют меня равнодушной. Слава не есть тщеславие, это земное воздаяние, которое Господь дарует своим избранникам. Это то, что обещал Он своим патриархам, — память об их бытии даже в земном мире, и разве Евгений не был

чизна непогоды...», «Чудный град порой сольется...», «Шуми, шуми, с крутой вершины...», «Судьбой наложенные цепи...», «Весна, весна! как воздух чист!..», «Взгляни на звезды: много звезд...», «Бывало, отрок, звонким кликом...», «Здравствуй отрок сладкогласной!..».

⁵⁹ А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844—1851 гг. // Русская старина. 1888. Т. 60. № 10. Окт. С. 139.

⁶⁰ Статью о Баратынском, написанную вдовой поэта и сохранившуюся в семейном архиве (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 200), впервые опубликовал Г. Хетсо (см.: Хетсо Г. Анастасия Львовна Баратынская ко своему мужу // Scando-Slavica. 1964. Т. X. P. 11—13). Здесь же помещен некролог И. Г. Головина, появившийся в «Journal des Débats politiques et littéraires» 16 сентября 1844 года (Ibid. P. 9—10).

достоин этого воздания? Он, явивший собой уникальный пример соединения всяческих талантов, чувств и всех возможных достоинств». ⁶¹

С еще большей аффектацией и настойчивостью Баратынская рассказывает своей парижской корреспондентке Графине де Фонтан о необыкновенном религиозном чувстве своего мужа и его стремлении заставить ее разделить эти убеждения: «Уже здесь он ценил лишь счастье небесное. *Его религиозные идеи были столь глубокими его убеждениями, что смерть представлялась ему лишенной своего зловещего облика.* В последние свои годы особенно он пытался убедить меня принять его верования, и когда я просила его не касаться этой темы, он весело говорил, что надеется развеять мой страх, убедить меня, что не может быть разлуки для двух любящих существ, и поверите ли вы, Мадам, что в то страшное мгновение, когда я не могла сомневаться в его смерти, я почувствовала откровение, охватившее меня; то, что до сих пор казалось мне сомнительным, внезапно превратилось в уверенность, и если в иные минуты страхи, о которых я Вам говорила, вновь меня посещали, вера всегда побеждала их. Я верю: первое, что сделал мой муж за пределами этого мира, — это испросил у Бога это утешение для меня». ⁶²

Формулировку, найденную в письме графине де Фонтан, Баратынская повторяет в статье о муже, написанной в ответ на некрологический отклик Головина, фи-

⁶¹ ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 1—2. Оригинал по-французски: «Veuillez bien me pardonner ma Chere Maman de ne vous écrire qu'aujourd'hui: l'essort est le même, mais nous sommes de retour et je suis délivrée de la crainte qui m'a poursuivie pendant la durée du voyage, celle du désespoir et de l'isolement des enfans si je venais à leur manquer. (...) Permettez moi de vous rassurer à mon égard. Je suis beaucoup plus calme que je n'aurais jamais pu le prévoir. Les doutes sur la vie à venir m'ont quitté à jamais, la nullité de celle-ci, son peu de durée, la conviction d'une réunion heureuse me préserve du désespoir; j'aurais voulu faire passer dans l'âme des autres ce qui se passe dans la mienne, je ne crains plus la mort pour ceux que j'aime, tout ce qui est malheur ici me paraît tellement momentané, tellement passage, que je comprends comme par la révélation ce qui me paraissait banalité et lieux communs sur les misères de la vie; mais le souvenir et le nom qu'Eugène laisse, ne me trouvent pas indifférente; la gloire n'est pas une vanité; c'est la récompense terrestre que Dieu accorde à ses élus; c'est celle qu'il a promise à ses patriarches: la mémoire de leur passage même dans ce monde et Eugène n'at'il par mérite cette récompense? lui qui a offert une exemple unique peut-être de la réunion des talents, des passions et de toutes les vertues». Как следует из письма Н. Л. Баратынской С. М. Баратынской-Дельви, отправленного шестого сентября (ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. Л. 103. Л. 15—16 об.; дата — по петербургскому штемпелю), к этому времени письмо свекрови было если не послано, то точно написано.

⁶² ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 108. Л. 8—9 об. Оригинал по-французски: «Déjà ici, il ne pouvait apprécier que les conditions du bonheur là-haut. Ses idées religieuses étaient des convictions si profondes, que la mort se présentait à lui dépouillée de son aspect sinistre. Ces dernières années surtout il cherchait à me faire accepter ses croyances et lorsque je lui demandais de ne pas aborder ce sujet il me disait gaiement qu'il espérait réussir à me faire perdre l'angoisse que ce sujet me donnait, à me convaincre que la séparation entre deux êtres qui se sont aimés est impossible et le croiriez vous, Madame, dans l'instant terrible où je n'ai pu douter de sa mort, j'ai senti la révélation s'emparer de toutes mes facultés; ce qui avait été doute jusque là s'est subitement transformé en certitude et si de certains momens me ramènent aux craintes dont je vous parlais, la foi revient toujours les arrêter. Je crois que le premier pas de mon mari hors de ce monde a été de demander pour moi cette consolation à Dieu». См. также копию этого письма: ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 75. Этот фрагмент письма в русском переводе был напечатан Гофманом в биографическом очерке о поэте, открывавшем первый том Академического издания (Изд. 1914—1915. Т. I. С. LXXX). Адресат письма — графиня Кристина де Фонтан, парижская знакомая Баратынских, дочь писателя Луи де Фонтана (1757—1821). В архиве Баратынских сохранилось несколько ее писем времени их пребывания в Париже (ИРЛИ. Ф. 33. Оп. 1. № 118. Л. 6—9 об.), а также два письма графини к Настасье Львовне, написанные уже после смерти Баратынского (Там же. Л. 1—2 об; 4—5 об.), в том числе письмо от 29 октября 1844 года (Л. 4—5 об.), на которое отвечала вдова Баратынского. О том значении, которое Баратынская придавала своему письму, свидетельствует (помимо того, что оно было скопировано в ее альбом) поясняющая приписка: «Brouillon de ma lettre à la Csse de Fontanes qu'il ne faut pas déchirer. Si mes cadets ne conservent pas leur soeur aînée et leur frère aîné, cette lettre pourra leur faire connaître leur père mieux que nos articles de journaux, à qui Dieu pardonne!» [«Черновик моего письма графине де Фонтан, который не должно уничтожить. Если мои младшие дети лишатся старших сестры и брата, это письмо позволит им узнать их отца лучше, чем статьи в наших журналах — да простит их Господь!]. (Там же. Л. 8).

нал которой варьирует слова из ее сентябрьского письма к матери поэта: «(...) но поэзия и загробная жизнь были для него одно и поглощали его совершенно. Его религиозные идеи сделались его убеждениями, и даже смерть представлялась ему лишенной своего зловещего облика. Можно было бы сказать, что то, что было проблемой для других, для него было столь явно, как реальность.

Если бы на долю Баратынского не выпало ни испытаний, ни страданий, он бы без промедления обрел свою небесную отчизну.

Его литературные сочинения свидетельствуют о его земном пути. Память об имени, которое не сотрут столетия, — есть воздаяние, которое Господь судил своим патриархам, своим избранныкам. Воздаяние это сполна заслужено человеком, который явил собой столь редкий пример, соединив в себе чувства, таланты и все возможные достоинства». ⁶³

Такой взгляд на Баратынского — не поэта-скептика, ищущего оправдания Творцу и Промыслу (как герой «Отрывка из поэмы Вера и неверие», автор «На смерть Гете» и «Осени»), но христиански приемлющего смерть как всякую волю Божества — такой взгляд был закреплен строками, выбитыми по желанию Натальи Львовны на надгробном памятнике Баратынского, вопреки удивлениям современников и потомков: «В смиреньи сердца надо верить // И терпеливо ждать конца».

⁶³ Оригинал по-французски: Хетсо Г. Анастасия Львовна Баратынская о своем муже. Р. 13; РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 200. Л. 2 об.: «(...) mais la poésie et la vie à venir étaient un pour lui et l'absorbaient entièrement. Ses idées religieuses sont devenues des convictions, la mort même se présentait à lui dépouillée de son aspect sinistre; on eût dit que ce qui est problème pour les autres avait tout l'aplomb de la réalité pour lui. — Si Baratinsky n'avait eu pour sa part ni épreuves ni douleurs, il eut passé dans la céleste patrie sans transition. — Ses productions littéraires témoignent de son passage ici. Le souvenir d'un nom que n'effacent point les siècles est la récompense que Dieu a promise à ses patriarches, à ses élus. Elle est due à un homme qui a offert un exemple si rare de la réunion des passions, des talents et de toutes les vertues».

© Т. Г. Иванова

ИДЕОЛОГЕМЫ И ИХ ФОРМУЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЛАЧАХ ВОЙНСКОЙ ТЕМАТИКИ (XIX—XX ВЕКА)

Предметом нашего исследования являются русские народные причитания воинской тематики, т. е. плачи, звучавшие при проводах мужчин в армию (рекрутские), на войну, а также голошения, вызванные военными бедствиями.

Мы обратились к материалам четырех разных периодов русской истории. Во-первых, это рекрутские и солдатские причитания из знаменитого собрания Е. В. Барсова, записанные собирателем в 1868 году в Олонецкой губернии на Онежском озере. Это большой блок текстов (в 200 печатных страниц), исполненных пятью вопленицами, самая знаменитая из которых — И. А. Федосова.¹ Во-вторых, малочисленные записи (8 текстов), сделанные Ф. Д. Нефедовым в Костромской губернии. Этот не датированный в публикации материал, судя по отдельным деталям текстов, относится к 1877—1878 годам,² т. е. ко времени русско-турецкой войны на Балканах, в результате которой от турецкого ига была освобождена Бол-

¹ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подг. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 2. Далее в тексте — Барсов.

² Тексты напечатаны в составе публикации М. М. Зимина. См. прим. 5.